

УДК 343.13

ОПЫТ ПРАВОВОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Пушкарев Виктор Викторович,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры предварительного расследования,

e-mail: vvp77r@rambler.ru,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

<https://мосу.мвд.рф>

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию норм, определяющих понятие и сущность института уголовного преследования в отечественном и зарубежном уголовно-процессуальном праве в целях уточнения его влияния на назначение уголовного судопроизводства, порядок его осуществления и соблюдения конституционных прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении досудебного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное преследование, досудебное производство, конституция, участники уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус

EXPERIENCE OF LEGAL COMPARATIVE LINGUISTIC IN THE RESEARCH OF THE CRIMINAL PROSECUTION INSTITUTION

Pushkarev V.V.,

candidate of law, Associate Professor,

Associate Professor at the department of Preliminary Investigation,

e-mail: vvp77r@rambler.ru,

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named by V.Ya. Kikot*

The article is devoted to a comparative legal study of the norms defining the concept and essence of the institute of criminal prosecution in domestic and foreign criminal procedural law in order to clarify its impact on the appointment of criminal proceedings, the procedure for its implementation and the observance of constitutional rights and legal interests of a person and citizen in the implementation of pre-trial proceedings in a criminal case.

Keywords: criminal prosecution, pre-trial proceedings, the constitution, participants in criminal proceedings, criminal procedure status

DOI 10.21777/2587-9472-2018-4-62-66

Внимание общественности, высших должностных лиц государства, ученых-юристов и практиков к проблемам уголовного преследования отнюдь не носит праздного характера, нежели, чем это может показаться по заголовкам современных средств массовой информации. Сакральное значение этого института и процедур его составляющих, а чем еще иначе обосновывается его место в правовой, а ранее религиозно-правовой системе всех государств и буквальной «встроенности» в сознание и мыследеятельностную культуру каждого индивида, отражает реальное состояние режима законности в стране, уровень совершенства уголовно-процессуального права и его отдельных институтов, а также подлинную взаимосвязь и взаимообусловленность конституционных норм первостепенной значимости, прежде всего ст. 2 Конституции Российской Федерации, с уголовным преследованием, поскольку порядок его осуществления есть смысл конституционного права в действии, когда уполномоченные лица и органы государственной власти обязаны применять нормы уголовного и уголовно-процессуального права, гарантируя конституционные права участников данных правоотношений.

На основе данных социологических исследований с уверенностью можно констатировать, что в российском общественном правосознании все больше утверждается и поддерживается требование об объективной необходимости повышения эффективности уголовного судопроизводства, как значимого фактора политико-правового и социально-экономического значения, включая законодательную оптимизацию модели уголовного преследования. Ожидания гражданского общества вызываются не только общественно-правовыми доминантами, но и потребностью в реальной минимализации количества преступлений и причиненного ими вреда, что должно быть выражено в эволюционном развитии современной правовой системы российского государства. Одновременно решение этой задачи является одним из приоритетных направлений в науке уголовного процесса. Поэтапность его осуществления связана со сложностью рассматриваемого института и отношений, им порождаемого. Первоначально необходимо определиться с его понятием и востребованностью правовыми системами различных государств.

Проводя сравнительно-правовой анализ норм об уголовном преследовании в уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран можно констатировать, что данный институт продолжает оставаться значимым и отражен в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран. Из бывших советских республик от него отказались, например, в Республике Узбекистан, уголовно-процессуальный закон которой такого термина не содержит¹, а также на Украине².

В УПК ряда стран отождествляются понятия публичного обвинения и уголовного преследования, а при определении объекта уголовного преследования смешиваются понятия преступления и лица, его совершившего, что характерно как для ряда западноевропейских государств, так и для бывших республик Советского Союза.

Так, в § 87 абз. 1 УПК Австрии установлена обязанность публичного уголовного преследования, направленного на установление преступления и осуждение лица, его совершившего [2, с. 12–13].

Аналогичным образом решен вопрос об уголовном преследовании в УПК Федеративной Республики Германия, также в п. 2 § 152 УПК ФРГ объектом уголовного преследования называются преступные деяния, подлежащие преследованию, при наличии достаточных фактических оснований [4, с. 226].

В п. 7.0.4 УПК Азербайджанской Республики уголовное преследование определяется как уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в целях установления события преступления, избличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, предъявления ему обвинения, поддержания этого обвинения в суде, назначения наказания, обеспечения при необходимости мер процессуального принуждения [1, с. 155]. В п. 38.4. определен момент окончания уголовного преследования, где указано, что оно должно осуществляться до выявления обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, либо до отказа государственного или частного обвинителя от уголовного преследования³.

В п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения⁴ [8].

В п. 22 ст. 7 УПК Республики Казахстан – уголовное преследование (обвинение) – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного пра-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013–XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2018 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

² Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651–VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.06.2018 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907–IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.11.2017 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295–З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2018 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

вонарушения, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия⁵ [5, с. 4–5; 7, с. 72].

В ст. 6 УПК Республики Таджикистан установлено, что уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер⁶.

В ст. 252 УПК Республики Молдова уголовное преследование определяется как сбор необходимых доказательств о наличии преступления, идентификации исполнителя деяния для определения наличия основания направления или ненаправления уголовного дела в суд в соответствии с законом и установления ответственности, которую должен понести исполнитель деяния⁷.

В соответствии со второй позицией, отраженной в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран, уголовное преследование направлено на лицо, подозреваемое, обвиняемое в совершении преступления.

Так, в п. 17 ст. 6 УПК Республики Армения уголовное преследование определяется как всякие процессуальные действия, осуществляемые органами уголовного преследования в целях установления личности совершившего запрещенное Уголовным кодексом деяние, виновности последнего в совершении преступления, а также обеспечения применения к такому лицу наказания или других мер принуждения⁸.

В соответствии со ст. 167 УПК Грузии уголовное преследование начинается с момента задержания или признания лица обвиняемым (если оно не подвергалось задержанию)⁹.

В действующем до 2019 г. УПК Кыргызской Республики понятие уголовного преследования не было закреплено¹⁰. Но представительный орган власти изменил свою позицию и в п. 50 ст. 5 УПК Кыргызской Республики, принятом в 2016 г. и вступающим в силу с 2019 г., сформулировано определение уголовного преследования, под которым понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления и (или) проступка¹¹.

Схожее понимание сущности уголовного преследования имеется в уголовно-процессуальных кодексах, основанных на англо-саксонской системе права и нормах, в ней содержащихся.

Так, в УПК Японии¹² и в УПК Республики Сингапур¹³ понятие «уголовное преследование» не закреплено [3], однако сам термин многократно используется, применительно к лицу, обвиняемому в совершении преступления, поскольку уголовное преследование возможно только в отношении конкретного лица – понятия расследование и уголовное преследование по смыслу не смешиваются.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.11.2018).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122–XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2018 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР–248 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2016 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772–Пс (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.07.2018 г.) // Законодательный Вестник Грузии [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.12.2017 г.) // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. №20 // Источник: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.11.2018).

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Японии (Act № 131 of 1948) // Источник: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=2283&vm=&ge=02> [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.11.2018).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Сингапур 2010 г. ((глава 68 Статутов Республики Сингапур) в редакции от 17.09.2018 г.) // Источник: Официальный сайт Правительства Сингапура <https://sso.agc.gov.sg/Act/CPC2010> [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.11.2018).

В Российской Федерации институт уголовного преследования занимает «пограничное, промежуточное состояние», в его определении в п. 55 ст. 5 УПК РФ объект преследования определен точно, как лицо – подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, однако в ч. 2 ст. 21 УПК РФ говорится об обязанности осуществления уголовного преследования прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем, когда они в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Такое состояние уголовно-процессуального закона обращает на себя внимание многих ученых-юристов. Однако, принимая во внимание ограниченный объем статьи, представляется объективным акцентировать внимание только на их сущности, которая сводится к спору о недопустимости существования двух моделей уголовного преследования в досудебном производстве, который, в свою очередь, актуализирует вопросы о функциях уголовного судопроизводства, его участниках и иные принципиальные, идейные положения, требующие своего разрешения [6, с. 412]. Поэтапность данного процесса требует иной формулировки понятия «уголовное преследование» в п. 55 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «55) уголовное преследование – обвинительная процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения, в целях изобличения конкретного лица в совершении преступления, серьезно и непосредственно влияющая на его положение». Также необходимо исключить из содержания ч. 2 ст. 21 УПК РФ слова «установлению события преступления». Данные положения сформулированы с учетом состязательной модели досудебного уголовного судопроизводства в Российской Федерации и согласовываются с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, сталкивающегося в своей практике с различными проявлениями национального права в уголовно-процессуальной деятельности различных государств в лице их органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и, составляющими суть жалоб граждан против своих государств.

Принятие предложенной концепции объекта уголовного преследования как лица, на которое оно направлено, позволит правильно определять моменты начала и окончания уголовного преследования, всегда связанные с ограничением конституционных прав и законных интересов конкретного лица, соблюдение которых – суть назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 УПК РФ.

Список литературы

1. *Атакиши А. Муса-оглы*. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях процесса в законодательстве об уголовном судопроизводстве Азербайджанской республики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – С. 152–161.
2. *Бутов В.Н.* Уголовный процесс Австрии. – Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 200 с.
3. *Волосова Н.Ю.* Реформа уголовного судопроизводства Японии // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 8А. – С. 181–189.
4. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. – М.: МГЮА, 2012. – 400 с.
5. *Журсимбаев С.К.* Актуальные проблемы обеспечения прокурором прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного процесса. – Алматы, 2000.
6. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
7. *Оспанов С.Д.* Уголовный процесс Республики Казахстан (Общая часть). – Алматы, 2006. – 269 с.
8. *Шпак В.В.* Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь. – Минск, 2003. – 8 с.

References

1. *Atakishi A. Musa-ogly*. Realizaciya principa sostyazatel'nosti na dosudebnyh stadiyah processa v zakonodatel'stve ob ugovolnom sudoproizvodstve Azerbajdzhanskoj respubliki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017. – S. 152–161.
2. *Butov V.N.* Ugolovnyj process Avstrii. – Krasnoyarsk: izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1988. – 200 s.
3. *Volosova N.Yu.* Reforma ugovolnogo sudoproizvodstva Yaponii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8. – № 8A. – S. 181–189.

4. *Golovnenkov P., Spica N.* Uголовно-processual'nyj kodeks Federativnoj Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona. – M.: MGYUA, 2012. – 400 s.
5. *Zhursimbaev S.K.* Aktual'nye problemy obespecheniya prokurorom prav i svobod cheloveka i grazhdanina na dosudebnyh stadiyah uголовного processa. – Almaty, 2000.
6. Kurs uголовного processa / pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko. – 2-e izd., ispr. – M.: Statut, 2017. – 1280 s.
7. *Ospanov C.D.* Uголовnyj process Respubliki Kazahstan (Obshchaya chast'). – Almaty, 2006. – 269 s.
8. *Shpak V.V.* Uskorennoe proizvodstvo v uголовном processe Respubliki Belarus'. – Minsk, 2003. – 8 s.